

9. Элиот, Д. *Адам Бед* [Электронный ресурс] // Mir-knig. 133 с. URL: https://mir-knig.com/read_210447-1 (дата обращения: 27.05.2022).
10. Behind the name «Bede» [Электронный ресурс] // *Behind the name*. 133 p. URL: <https://www.behindthename.com/name/bede> (last assessed: 21.05.2022).
11. Carroll, D. *George Eliot and the Conflict of Interpretations: a Reading of the Novels*. – Cambridge, 2006. – 333 p.
12. Cooke, G. W. *George Eliot: A Critical Study of Her Life, Writings and Philosophy*. Houghton, Mifflin and Company, 1883, p. 464.
13. Gupta, T., Mahal, R. A Comparative Study: Portrayal of Hetty Sorrel in George Eliot's Adam Bede and Halie in Sam Shepard's Buried Child [Электронный ресурс] // ResearchGate. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/2839070-16_A_Comparative-Study_Portrayal_of_Hetty_Sorrel_in_George_Eliot's_Adam_Bede_and_Halie_in_Sam_Shepard's_Buried_Child (last assessed: 27.05.2022).
14. Eliot, G. The George Eliot Letters, 9 vols. Ed. Haight, Gordon S. Yale University Press, 1954, p. 1546
15. «Hetty Sorrel – a perfect representative of Loamshire in Adam Bede» [Электронный ресурс] // Neoenglish. 2018. URL: <https://neoenglish.wordpress.com/2010/12/19/hetty-sorrel-%E2%80%93-a-perfect-representative-of-loamshire-in-adam-bede/> (last assessed: 21.06.2022).
16. Halder, S. “The Clue of Life: Translating Feuerbach in George Eliot's The Mill on the Floss.” *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 9-18.
17. James, H. The Novels of George Eliot [Электронный ресурс] // VictorianWeb. 1866. URL: <https://victorianweb.org/authors/jamesh/eliot.html> (last assessed: 25.05.2022).
18. Khanh, P. Character Analysis Adam Bede [Электронный ресурс] // Survey of English Literature (ENH222). 2021. URL: <https://www.studocu.com/en-us/document/rio-salado-college/survey-of-english-literature/adam-bede-character-introduction-and-character-analysis/16195704> (last assessed: 25.05.2022).
19. Mingay, G.E. *Rural Life in Victorian England*. – Routledge: Alan Sutton, 1991. – 220 p.
20. Nancy, Henry «George Eliot's humans and animals» // [This article is adapted from the lecture given at the final plenary session of the Bicentenary Conference in Leicester, 'George Eliot 2019', 17–19 July 2019]
21. Richter, D. H. *The Critical Tradition: Classic Texts and Contemporary Trends*. – Boston: Bedford/St. Martin's, 2007. – 255 p.

П. В. Шнейдер,

студент (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

БИБЛЕЙСКАЯ АРХТЕКТУРАЛЬНОСТЬ В СТИХОТВОРЕНИИ ДЖ. Г. БАЙРОНА «ДУХ ПРОШЕЛ ПЕРЕДО МНОЮ. ИЗ ИОВА»

***Аннотация.** В статье через призму библейской архитектуральности рассматривается стихотворение Дж. Г. Байрона «Дух прошел предо мною. Из Иова». В небольшом по объему произведении автору удалось выразить устремления человека эпохи романтизма, раскрыть дискурсивный внутренний мир героя, жажду перемен судьбы и одновременно трагизм свободного выбора. Этому помогает диалог с Библией, прежде всего с Книгой Иова, которая выступает как «осевой» архитекст, смысло- и текстопорождающий текст.*

***Ключевые слова:** Дж. Г. Байрон; английская поэзия; «Еврейские мелодии»; романтизм; библейская архитектуральность; архитекст; Библия.*

P. V. Schneider,

**BIBLICAL ARCHETEXTUALITY IN G. G. BYRON'S POEM
«A SPIRIT PASSED BEFORE ME. FROM JOB»**

Abstract. *In this paper, we consider the poem of G. G. Byron «A spirit passed before me. From Job» through the lens of biblical archetextuality. Byron succeeds in its short work to portray the aspirations of the people from the Romantic era. He reveals their discursive inner world – the strive to change the course of destiny while simultaneously facing the tragedy of free choice. This is achieved in a dialogue with The Bible, especially with The Book of Job, which acts as an “axial” archetext, a meaning- and text-generating text.*

Key words: *G. G. Byron; English poetry; “Hebrew melodies”; romanticism; biblical archetextuality; archetext; The Bible; The Book of Job.*

Творческий расцвет Дж. Г. Байрона (*George Gordon Byron, 1788 – 1824*) пришелся на период создания поэмы «Паломничество Чайль-Гарольда» (*«Childe Harold's Pilgrimage», 1809 – 1817*) однако уже первый сборник стихотворений «Часы досуга» (*«Hours of Idleness», 1806*), созданный во время учебы в Кембриджском университете, приносит ему известность. Последующее путешествие Байрона по Южной Европе и Малой Азии (Португалия, Испания, Греция, Албания), отраженное в первых двух песнях «Чайльд Гарольда» (изначальное название – «Чайльд Бурун»), опубликованных в марте 1812 г. приведет его к феноменальной славе (*«I awoke to find myself famous»*). За успехом «Чайльд Гарольда» последовали другие произведения с восточной (в романтическом смысле) и библейской тематикой: от поэмы «Гяур» (*«The Giaour», 1813*) до незаконченного романа в стихах «Дон Жуан» (*«Don Juan», 1817 – 1823*).

Среди «восточных» работ Байрона совершенно особое явление представляет собой лирический цикл «Еврейские мелодии» (*«Hebrew Melodies», 1816*). В первую очередь это связано с его жанровой и художественной универсальностью. Цикл предстает перед читателем как маленькая вселенная, написанная во многом по мотивам библейских книг, которые выполняют важную роль «осевого» архетекста (термин Г. В. Синило; см. подробнее [1]), и постбиблейской еврейской истории, а также из собственного воображения, как отмечал сам автор.

Стихотворение «Дух прошел предо мною. Из Иова» (*«A spirit passed before me. From Job»*), написанное между 1814 и 1815 гг., – пожалуй, одно из самых байронических стихотворений цикла. Сквозь призму библейской притчи мы видим сложную и глубинную проблему теодицеи, сложную для человеческого сознания проблему необходимости оправдания Бога, который, дав людям жизнь, обрек их на смерть: *«A spirit passed before me: I beheld / The face of Immortality unveiled – / Deep Sleep came down on every eye save mine – / And there it stood, – all formless – but divine: / Along my bones the creeping flesh did quake; / And as my damp hair stiffened, thus it spake: // “Is man more just than God? Is man more pure / Than he deems even Seraphs insecure? / Creatures of clay – vain dwellers in the dust! / The moth survives you, and are ye more just? / Things of a day! You wither ere the night, / Heedless and blind to Wisdom's wasted light!”*» [2, p. 119] («Дух прошел предо мною: я узрел / лицо бессмертия открытым – / Глубокий сон спустился на все глаза, кроме моих, – / И вот он стоял, – весь бесформенный – но божественный: / Вдоль моих костей ползучая плоть дрожала; / И когда мои влажные волосы напряглись, он сказал: // «Человек справедливее, чем Бог? Человек более непорочен, / Чем серафимы, которых Он считает непрочными [неуверенными]? / Творения из глины – тщеславные обитатели праха! / Мотылек переживет тебя, и ты более справедлив? / Вещи одного дня! Вы увядаете до ночи, / Беспечно и слепо к растрачивая свет мудрости!» (подстрочный перевод наш. – П. Ш.).

Приведем художественный перевод Елены Пучковой: *«И дух предо мною прошел. Я узрел / Бессмертного лика бесславный удел. / Все спят. Но в бессоннице передо мною / Явился бесплотный он, словно сквозной. / И дрогнула плоть вплоть до взмокнувших волос, / Когда мой пришелец ночной произнес: // “Прав человек иль Бог? И*

разве чище / Вы, люди, на духовном пепелище? / Живущие в пыли, созданы праха, / Вас червь переживет, не зная страха. / Игра мгновенья, отблеск увяданья, / Вас губит ночь, вас ослепляет знанье» [3, с. 276].

Безусловно, произведение Байрона выступает в качестве свободного художественного переложения речи Элифаза из Теманы в Книге Иова: *«И прокралось слово ко мне – / лишь отзвук до уха дошел – / при раздумьях от видений, в ночи, / когда сон людей бывает глубок; / схватил меня страх, и дрожь / кости мои сотрясла, / и овеял лицо мое дух, / и дыбом поднялись власы. // И стал пред очами зрак, – / не распознать вида его, – / лишь повеяло, и слышу слова: / «Человек ли пред Богом прав, / перед Творцом своим чист ли муж? / Вот, не верит Он и слугам своим, / и в ангелах обличает порок. / Что сказать о тех, чей дом / из глины и стоит на пыли? / Их раздавят, как моль, / к вечеру их рассекут, они сгинут – не приметит никто. / Исторгается у шатра их вервь, / и не в мудрости умирают они»* (Иов 4:12–21) (здесь и далее перевод С. С. Аверинцева) [4, с. 570].

Г. В. Синило пишет, что данная философская поэма *«представляет собой одну из первых законченных и очень глубоких теодицей»* [5, с. 351]. При этом, Книга Иова, несомненно, обнаруживает ряд параллелей с более древней Книгой Бытия и, в частности, с притчей об Авеле и Каине. Более явное сходство обнаруживаются при уточнении термина «теодицея»: *«Проблема теодицеи, – отмечает Г. В. Синило, – связана со стремлением понять причину существования зла в мире, и особенно самого иррационального зла – страданий праведных, несправедности социального бытия с представлением о благодати богов, блюдущих справедливость (в языческих культурах), и о Боге как воплощенной Справедливости, о Божественном управлении миром – Промысле Божьем»* [5, с. 351]. Интерес Байрона к постановке не поддающихся однозначной оценке проблем бытия выразился в двух его произведениях – стихотворении «Дух прошел предо мною» и мистерии «Каин» (*Cain, 1821*). Несмотря на разные жанровые формы и сюжет, генеральные мотивы стихотворения и мистерии совпадают: страдание, архетип «невинного страдальца», несправедливость, причина существования зла, проблема оправдания Бога и разочарование в созданном так мире.

Как было сказано ранее, Байрон, по сути, цитирует библейскую книгу – фрагмент *Иов 4:12–21*. В связи с этим особый научный интерес представляет выбор автором конкретного отрывка: поэт не пытался «ужать» Книгу в свое стихотворение, как он это делает, например, с Песней Песней, а специально выбирает отдельный фрагмент из нее, тем самым вызывая к жизни различные трактовки. Первый знаменательный символ зашифрован в названии – «From Job» («Из Иова»), что указывает на то, что это только слова одного из друзей Иова, «человека из земли Уц» – Элифаза из Теманы. Однако, по нашей мысли, стихотворение содержит в себе протест против слишком примитивно и прямо понятной монологичности. Как Книга Иова, так и «Дух прошел предо мною» диалогичны, это чистые диалоги и диалектика мысли, как в диалогах Платона. Такой прием помогает глубже понять произведения. На первый взгляд, идея о диалогах кажется несостоятельной и очень наивной: ведь практически во всех произведениях есть диалог. Но у Байрона диалог приобретает фундирующую и генерирующую функции. Байрон как бы удваивает повествовательную линию, драматизируя, он открывает второй фон/мир произведения, столь важный для романтизма. В стихотворении «Все суета, сказал Экклезиаст» (*All is vanity, saith the preacher*) из лирического цикла «Еврейские мелодии» мы наблюдаем диалектику не только мысли, но и образа автора: первое, второе и третье четверостишия отличаются друг от друга – идет диалог между двумя точками зрения. Показательным произведением также является «Паломничество Чайльд Гарольда», где два героя – Чайльд Гарольд и сам Байрон – ведут диалог, хотя и сквозь призму одного, но нецелостного героя. Иногда Байрон даже забывает о Гарольде, вводя такую фразу: *«Так говорил Чайльд»*. Возвращаясь к стихотворению «Дух прошел предо мною», мы здесь обнаруживаем диалог: Дух задает вопросы – не только Элифазу или Иову, но и читателю: *«Is man more just than God? Is man more pure / Than he deems even Seraphs insecure?»* («Разве человек справедливее, чем Бог? Разве человек более непорочен, / Чем Он [Бог], считающий даже серафимов ненадежными?»). Стихотворение так и завершается вопросом без ответа. Тем самым, Байрон усиливает антиномичность поднятой проблемы: каждый сам может попытаться дать ответ. Такой маневр поэта мог быть продиктован словами Иова в библейской книге: *«Воистину, знаю, что это так: / но будет ли человек*

перед Богом прав? Если б захотели судиться с Ним, / из тысячи ни один не даст ответ» (Иов 9:1–3) [4, с. 576]. Иов подчеркивает потенциальную возможность тысячи ответов, поэтому Байрону и не стоило закладывать в свое стихотворение один готовый. Такая трактовка произведений Байрона вписывается в идеи классических работ американского исследователя М. Г. Абрамса, который усматривал суть романтизма в культе героики и ностальгии по полноте существования. Как отмечает Абрамс, «Байрон, что характерно, предпочитает метафоры большей смелости, стремительности и грандиозности» [6, с. 49], то есть наиболее многосложные метафоры, не поддающиеся однозначной интерпретации.

Парадоксально, но схожие мысли возникают и у Каина: «*Будь проклят тот, кто дал / Мне бытие, ведущие лишь к смерти?»* (перевод И. Бунина) [7]. Сравним с Иовом: «*Твои руки дали мне вид; / а после Ты обернулся – и меня сгубил! / Вспомни, что из глины Ты создал меня – / а ныне возвращаешь меня в прах!*» (Иов 10:8–9) [4, с. 578]. Оба героя поднимают вопрос о теодицеи и несправедливости мира, о трагической разорванности сознания. Говоря о разорванности мировоззрения Иова и Каина, можно сослаться на слова российского литературного критика А. Зорина: «*Разрыв можно воспринимать как разрушение золотого века и идиллии: Адам, изгнанный из рая, где он жил, или человек, которого насильственно выбрасывают из отчего дома. А с другой стороны, его можно воспринимать как результат сознательного решения, как побег, как нарушение правил и канонов, как поиск себя как личности, не укладывающийся в заранее установленные рамки*» [8]. Возможно, Байрон еще больше индивидуализирует Иова и Каина, наделяет их субъектностью, столь важной для романтиков. В словах героев есть скепсис по отношению к Богу и созданному им миру: «*Если бы взвесить скорбь мою / и боль мою положить на весы! / Тяжелее она, чем песок морей; / оттого и дики слова мои!*» (Иов 6:1–3) [4, с. 572]. И опору на сомнение мы видим у обоих, однако у Каина оно направлено вовне, а у Иова оно имманентно, то есть внутренне присуще человеку и является его главной опорой: «*Разве твердость камней – твердость моя // и разве из меди плоть моя?»* (Иов 6:12) [4, с. 572]. Сквозь призму героев и их драматические судьбы Байрон поднимает вопрос и о человеке, о человеческой сущности, показывает, насколько амбивалентна душа человека. Если говорить о мятущихся душах библейских и байроновских героев, особенно уместными кажутся знаменитые слова рабби Акивы (אָקִיבָּא, 50 – 135) из талмудического трактата «Почтения Отцов» (*Пиркей авот*): «*Все предопределено, но свобода дана*».

Список использованной литературы

1. Синило, Г. В. Библия как «осевой» архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2017. – № 3. – С. 19–29.
2. Byron, G. G. Poems / G. G. Byron. – Leipzig : Insel Verlag, 1921. – 328 p.
3. Байрон, Дж. Г. Лирика / Дж. Г. Байрон. – Москва : Книга, 1988. – 493 с.
4. Книга Иова / Поэзия и проза Древнего Востока / перевод с иврита С. С. Аверинцева. – Москва : Художественная литература, 1973. – С. 563–625.
5. Синило, Г. В. Библия и мировая культура : учеб. пособие / Г. В. Синило. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 685 с.
6. Abrams, M. H. The Mirror and the Lamp / M. H. Abrams. – Oxford : Oxford University Press, 1980. – 406 p.
7. Байрон, Дж. Г. Каин / Дж. Г. Байрон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron4_4.txt. – Дата доступа: 15.04.2021.
8. Зорин, А. Любовь, искусство и смерть: романтизм как мироощущение / А. Зорин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/2216>. – Дата доступа: 10.10.2022.

VIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА